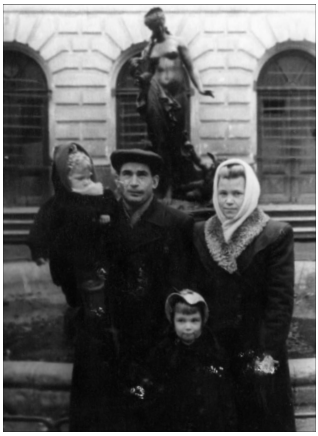
Л.Мельникова



На крыльях памяти

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Санкт-Петербург, 2020

Моим родителям посвящается

1945 год – «до» и «после»

Наша память старается зачеркнуть то, что приносит боль. Но всё остаётся в душе.

Говори *спасибо* тому, что осталось за спиной. Пусть это неприятно и болезненно. Но оно непременно научило тебя чему-то важному.

Люди приходят на Землю ради одной цели – научиться любить!

Говори лишь тогда, когда твои слова – *про любовь*, даже сквозь слёзы.

Научись прощать тех, кто рядом – так найдёшь дорогу к прощению себя!

Ведь умение *любить* и есть *суть жизни*!

А дороже родителей никого нет и не будет!

Эти слова я позаимствовала
у душевного писателя Востока
Эльчина Сафарли –
они так совпали с тем,
что я чувствую сама.

Оглавление

Глава 1. В зеркале времени 17

Глава 2. Дом, в котором я жила 31

«Рыбка в аквариуме» 32
Я болею 33
Чудесная печка 34
«Дурацкий» санаторий 36
Инфекционный гепатит 37
«Гадкий утёнок» 39
Моя первая травма 41
«Обноски» и «обновки» 42
Бог уберёг меня! 45
«Я никогда не умру!» 46
Бутерброд с маргарином 47
Блондинчик на велосипеде 48
Первая пощечина 50
Наши дворовые игры 52
«Хозяин» нашего двора» 58
«Точу ножи, топоры, ножницы!» 60
Самый сладкий праздник! 63
Я живу в СССР! 65
Номерок, тазик, газировка 67
Прачечная на Таировке 72

Глава 3. Белые пятна в биографии 78

Я – последний свидетель! 79
Бег по кругу 81
Прогулка в Сангальском саду 85
Диалог о былом 86

Глава 4. История маминой семьи 90
Деревня Ковшово 91
Семейное счастье 93
И вот пришла Советская власть 96
«Кто знает правду?» 97
Пропаганда и агитация 99
Страшные 30-е годы 101
Большой террор 103
Лицом к лицу лица не увидать 108

Глава 5. Без семьи 110
Тётки, дядьки 111
«Сказочный принц» 112
Мама «в услужении» 114

Глава 6. Три сестры 117
Сестра Нюра 118
Поездка в г. Зубцов 119
Бараки 120
Наши гостинцы 121
Огурчик с цветочком 123
В лес за малиной 124
Утюг на углях 125
Русская печь 126
Страшные грозы 128
Нина – злая и жадная 129
Бесправная бабушка Феня 130
Нина в Ленинграде 131
Сосновые шишки и смешной мальчишка 132
Мяч упал в Волгу 133
Маленький Славик 133

Сестра Галя 134
Сестра Лена 137

Глава 7. Время назад 140
Первая любовь 141
Встреча с папой 141
Своё жильё 142
Хлебные крошки 143
А вот и я! 144
На волне запретов 144
Папа уехал на Сахалин 145
Тяжкая разлука 146
Анька «нижняя» 148
Манная каша 150
Гадание цыганки 151
Страх остаться без мамы 154
Возвращение с Сахалина 155
Папино «воспитание» 157
Непохожие сёстры 161

Глава 8. Папа и его братья 166
Долгожданный гость 167
Нашествие семейства Ивана 174
Затянувшаяся осада 177
Вот и свобода! 181

Глава 9. Мои бабушки 183
Анна Федоровна к нам на ПМЖ 184
И снова смутные времена 185
Добрая бабушка Феня 189
В тесноте и в обиде 190

Печальная история 191

Глава 10. Моя первая коммуналка 194
Трудные «сороковые» 195
Квартира №37 196
Коварные соседи 197
Склоки и атаки 198
Жуткая драка 199
Моя месть 203
Странные взрослые 204
Соседи по лестнице 205
Что было потом 208
Дрова и сараи 209
Всё для папы 212
Я – миротворец 215

Глава 11. Школа 217
Моя первая учительница 218
«Очумелые ручки» 219
Чистописание и каллиграфия 220
Красивые платья Ларисы 225
Моя авантюра 227
«Чудо-огонёк» и белый шпиц 228
Танька с Таировки 231
«Мамина гордость» 232
Сказки 233
Кукольный театр 235
«Балетное «Яблочко» 236

Глава 12. Воспитание наказанием 241
Алла пошла в школу 242

Рана на всю жизнь 245
Родители – гневные Боги! 247
Кто из нас «мальчиш-плохиш»? 250
Люди вокруг – это наши зеркала! 253
Жизненный сценарий 258
Тяжелые последствия 259
Перезагрузка 262
Мы за всё в ответе! 267
Полюбить себя 270
Сила любви и ненависти 272
Урок не впрок 275
Цепная реакция 280

Глава 13. Война ворвалась в мою жизнь 282
Мои родители – герои войны 283
Запоздалое спасибо 293
Назад дороги нет! 295
Я расскажу о войне и блокаде 299

Глава 14. Сражение за Ленинград 304
Вторжение 305
План «Барбаросса» 307
Выстоять или умереть! 308
Штурма не будет! 313
Кольцо блокады замкнулось 315
Блокада 318
Зима 1941-1942 гг. Голод и холод 322
«Зажигалки» 332
«Дорога жизни» 334
НКВД 337
Невский «пятачок» 343

Новый 1942 год! 345
Мандариновый праздник 346
Весна 1942 года 347
«Ленинградская симфония» 349
Огороды в городе 350
Тайна операции «Искра» 352
Прорыв блокады! 355
Моя душа ликует и гордиться! 358

Глава 15. Мой замечательный папа 362
Кто такой «простой» человек 363
Точка отсчета 366
Как мало знала я о нём 369
Папин «океан» любви 370
Мастер на все руки 372
Мама рукодельница 375
И опять папа выручил 377
Душа «нараспашку» 378
Сапожник и стекольщик 381
Настоящий волшебник 382
Как мы жарили миноги 384
Ещё один фокус 386
Тюря 387
Оранжевый казус 388
Гуталиновый шик 391
Вечный рационализатор 391
Хохляцкие штучки 393
«Друзья-товарищи» 395
Пришли Гелуны – вот и праздник! 399
У патефона я и «Рио-Рита» 402
Новый год встречаем «вскладчину» 404

Я – папин массажист 404
Жизнь – вечный экспромт 406
Опасная затея 406
Папины задачки 407
Лошадь с золотой гривой 408
Почти что Мичурин 408
Комната смеха 409
«Утята, кудри и топорики» 410
Стада «оленей» и «косуль» 412
Это счастье было в моей жизни 414

Глава 16. Мой Ленинград 415
Лиговка, Лиговка… 416
Немного истории 416
Лиговская шпана – «ГОПники» 417
Городской шум 420
Булыжные мостовые 421
Заводские гудки 422
«Зеленоглазое» такси 424
Инвалиды ВОВ на Лиговке 425
Воскресные прогулки 427
Новые пальто 429
Тир 430
Морская свинка 431
Чистильщики ботинок 432
«Квартет» в витрине 432
«Чудо-лампа» 433
«Стрела» и «Победа» 435
Как я любила кино! 438
Кинопередвижка на селе 440
Невский проспект 442

Улица Рубинштейна 443

Глава 17. Сангальский сад 445
Буйство жизни 446
Зимние забавы 449
Мои «зигзаги» на коньках 451
ЦПКО 453
Все на Выборы! 454
Лиговская «жемчужина» 456

Глава 18. Великие победы кривого пути 458
Сталин умер!!! Жизнь остановилась… 459
Похороны Сталина 461
Вторая «Ходынка» 465
Переломный момент 466
Борьба за власть 468
Кто испугался больше всех? 469
Придворный шут у власти 471
Крушение идеализаций 475
Главное – встряхнуть страну 477
«Оттепель!» 478
А что за этим фасадом? 479
«Воля партии выше законов природы!» 482
А что будет завтра? 483
«Хрущёвки» 484
Апофеоз волюнтаризма 486
Всему бывает конец 487
Время Хрущёва 488

Глава 19. Моя вторая коммуналка 490
Переезд в другую квартиру 491

Марцинкевичи 494
Крутицкие 495
Барановские 497
Врачиха 500
Войтенко 502
Черкашины 503
Ефимовы 506
Наше «житьё-бытье» 510
Жизнь без холодильников 512
«КВН-49» 512
Кошка Чита 514
Квартуполномоченный 515
Коммуналки – дело привычное 518

Глава 20. Неутомимая мама 519
Экономная хозяйка 520
Облигации 521
«Не потопаешь – не полопаешь» 522
Вырица. Детский сад 523
Трудовая книжка 527

Глава 21. Размышление о подарках 530
Обиды и радости 531
Что такое настоящий подарок? 533
Я – волшебница! 535
На любовь свое сердце настрою 538

Глава 22. Ах, Украина! 543
Украина – край чудес! 544
Тутовое дерево 545
Грецкие орехи 546

Хаты-«мазанки» 547
Печка-матушка 548
«Лепешки на заборе» 549
Пол в хате из… навоза 549
Санузел в саду 550
Борщ и мамалыга 551
Кукурузные джунгли 552
Не поладила с Шариком 553
И снова травма 554
Праздник Ивана Купалы 555
Плацкартные мучения 561
Фруктовый кошмар 563

Глава 23. Вот такая была мода 565
Во всём – следы войны 566
Что было, то и носили 566
Городская жизнь обязывает 568
Тюбетейки 570
«А ещё в шляпе…» 572
ФЗУ и ШРМ 574
Тотальный дефицит 575
Подтяжки 576
О том, чего не видно 577
Капрон со швом и «пяткой» 579
Фильдеперс и фильдекос 582
Брови – узбечки, а голова – овечки 583
Почтальонша Зинка 585
Великая трофейная эпоха 587
«Осиная» талия 589
Меховые горжетки 590
Танцы на Дворцовой площади 591

Мохер, кримплен, нейлон… 594
Метаморфозы моды 596

Глава 24. Моя четвёртая коммуналка 597
Новоселье 598
Наши новые соседи 599
«Высокий градус!» 601
Страдания «по-польски» 603
Радиола «Урал» 606

Глава 25. Наш быт 608
Будни нашей жизни 609
Вазочки и салфетки 611
Шикарный подзорник 613
Дивный буфет 614
Абажуры 614
Наша уникальная люстра 616
Тюль «на гвоздиках» 617
От чужих глаз 617
Коврик с котятами 618
«Ходики с глазками» 619
Ящик с раритетами 620
Шляпа «амазонка» 621
Трофейная скатерть и страховой агент 623
«Ковровые» обои 624
Весна пришла! 626

Глава 26. Светлое воскресение 627
Запахи детства 628
Пасха 629
Батюшка, как царь! 633

Пасхальная трапеза 635

Глава 27. Мои «университеты» 637
Подслушанный разговор 638
«День открытых дверей» 639
Пионерский галстук…в кармане! 640
«Здравствуйте, товарищи!» 642
«Одного поля ягоды» 643
Керосин, кипяток… дихлофос! 647
Неугомонная молодость 648
Вот такая психотерапия 650
Романтика. Мальчики. Любовь 652

Глава 28. Как я не стала «звездой экрана» 659
Мои грёзы 660
«День открытых дверей» 661
Неудачи преследовали меня 663
Всё не так плохо 665
Каждому – своё! 666

Глава 29. Петербург – мировая столица коммуналок 669
Болезненная тема 670
Знаменитый дом Перцева 670
Ужасы «коммуналок-монстров» 675
Парадоксы истории 678

Глава 30. Руины большого счастья 680
Место встречи – дом №56 681
Прощай, Таировка! 682
Сангальский сад будет жить! 684

Глава 31. Жизнь в СССР. Ностальгия 686

Глава 32. Время собирать камни 694

Дорога к себе 695

Вкус счастья! 698

Жизнь нам даёт самое лучшее! 700

Эпилог 703

Глава 1.
В зеркале времени

«Шуршат листы тетрадные,
Чисты, как аиста крыло,
А я пишу слова нескладные
О том, что было и прошло»

Булат Окуджава

Меня давно подспудно тревожило смутное чувство, что я упустила в жизни что-то важное.

Как жаль, что мы начинаем ценить что-то лишь тогда, когда этого лишаемся. Мы слишком беспечны и часто теряем из виду жизненно важные вещи. Именно так случилось со мной, за что мне стыдно и я не нахожу себе оправдания!

Только сейчас обнаружилось множество «белых пятен» в биографии нашей семьи. Странно, что мы раньше этого как-будто не замечали.

А вот заполнить эти «пятна» теперь нечем. Во многом по моей вине. И это чувство вины тяготит и тревожит.

Я до сих пор не могу понять – почему я не расспрашивала ни родителей, ни тётушек, ни бабушек, как они жили раньше, что их окружало, что тревожило, что радовало, каким было их детство, как они пережили те тяжёлые времена, что выпали на их долю?

И опомнилась я, грех сказать, на закате своей жизни! Но уже давно нет тех, кого можно было бы расспросить. А как много они могли бы нам поведать… Ведь детство моё и детство моих родителей и бабушек – это словно, существование на разных планетах. Вот так время меняет всё вокруг. А сколько событий было за это время! Страшных событий! И как их пережили все они, мои дорогие родные? Неизвестно! И всё это они теперь унесли с собой. А нам

остались лишь боль и сожаление.

Ну почему мы всегда опаздываем, а потом сами же и страдаем от того, что ужасно себя осознавать без этой глубинной связи с теми, кому мы обязаны своим существованием.

Да, время упущено! Но надо было эту ситуацию как-то исправлять. Любыми путями! Надо восстановить хоть что-то в нашей родословной картине.

Но чем мы располагаем?

Нет ни семейных архивов, ни чьей-либо переписки, ни, тем более, дневников… Даже фотографий катастрофически мало, да и те не лучшего качества, а есть и такие ветхие, что лиц не различить. Очень досадно!

Слава Богу, что удалось сделать фото с фронтовых документов, медалей и орденов родителей, не без труда добытых у моей племянницы Иры.

Хоть бы каким-то чудом осталась переписка моей мамы с её сёстрами и папиными братьями! Ведь мама всю жизнь с ними переписывалась. Но… И это утрачено! Так жаль, что эти письма, видимо, не имели для них никакой ценности и потому не сохранились. Я помню, как мама, прочитав письмо, выбрасывала его. Письма редко читались дважды.

Мы со Светой были крайне удручены. Казалось, никаких перспектив у нас нет. Меня это, прямо-таки, резануло по сердцу, ибо я сильно ощущала свою собственную вину за недальновидность и беспечность.

Но к чему теперь казнить себя, если так вышло? Да, ужасно обидно! Да, «поезд ушёл»! Но есть мы! Есть я – практически живой свидетель, хотя бы 40-50-х годов прошлого века! И, надо заметить, ПОСЛЕДНИЙ свидетель! А если я и сейчас реально чего-то не сделаю, то этот огром-

Я с родителями. 1946-1947 гг.

ный пробел уже никто не восполнит! На мне лично вся ответственность!

Гораздо страшнее будет и здесь опоздать!

Моё намерение исправить свою же оплошность было настолько сильным, что породило настойчивое желание, чем угодно оживить свою память.

Вспомнить всё о своём детстве, о тех родственниках, с кем довелось общаться, о том времени, что было совсем не похоже на наше теперешнее, о страшных событиях тех лет, о нашем быте, отношениях и много о чём, что хоть как-то «возродит» те времена.

То, что удалось раздобыть из документов, было очень важно, но хотелось всё это как-то оживить, внести сюда эпизоды из моей детской жизни, добавить чувства, эмоци-

ональность, какие-то неповторимые краски, чтобы фотографии ожили, а за документами и медалями можно было увидеть реальных людей, ощутить сам дух того времени.

Я давала себе отчёт в том, что, если уж вспоминать, то очень детально. Здесь важны именно эти мелочи и разные наши реакции, и настроения. Ведь всё очень стремительно меняется – и сам город, и люди, и отношения. И если не запечатлеть какие-то нюансы, они исчезнут без следа. И наши дети и внуки никогда не узнают, что как выглядело, какими были люди, как говорили, что носили, что ели, как общались, как отдыхали, чем интересовались, каким законам подчинялись, были ли грамотны, на кого хотели выучиться, что читали и чего хотели от жизни?

И тогда оживёт наша родословная!

Сколько всего я передумала, перечитала, пересмотрела с 2013 по 2019 годы! Сколько всего поняла и переосмыслила! И какой бесценной показалась теперь жизнь, но такой короткой, чтобы что-то изменить в соответствии со своим новым пониманием. Так мне казалось.

Но, невесть откуда, у меня вдруг открылось новое, удивительное зрение, когда начинаешь видеть действительность совсем иной, чем она казалась раньше. Словно с зеркала стёрли толстый слой копоти, и ты увидел нечто чудесное, чего никогда не замечал.

Тут ещё надо сказать, что я с 2013 года, по какому-то наитию, уже стала записывать на клочках бумаги небольшие эпизоды из своего детства, периодически всплывающие в памяти, которая потихоньку откликалась на мой запрос, но выдавала лишь мелкие штрихи и обрывки, часто не связанные друг с другом. Но тогда меня и это радовало. Я, конечно, ещё не помышляла ни о каких «мемуарах»,

но что-то изнутри понуждало вспоминать.

Этих клочков накопилось довольно много, но, по сути, это была жалкая кучка разрозненных, разнокалиберных пазлов, из которых картину не сложишь.

А потом, как назло, моя память словно заснула и больше не хотела делиться со мной своими сокровищами, будто уже выдала всё, что могла.

Мои напряги и потуги был напрасны. Всё застопорилось. В голове темнота и пустота. Все тайники моей памяти оказались наглухо заперты! Удавалось лишь иногда выудить ненароком ещё какие-то мелочи, но меня это вовсе не радовало. Я было в полном отчаянии! И это напряженное противостояние продолжалось довольно долго.

Я не понимала в чём дело! Может, я плохо стараюсь? Возможно, нужен какой-то «особый ключик», чтобы эта память услышала меня и, наконец-то, заговорила? Ведь я же знаю, что моё подсознание хранит буквально всё, что было со мной! Тогда почему такое затишье? Почему нет никакого отклика?

Но для меня обратной дороги уже не было! И я уже не собиралась отступать! Я будто предчувствовала, что должно произойти что-то неожиданное, невероятное, что всколыхнет, а то и взорвёт застрявший процесс, который уже еле тлел, но, к счастью, не затухал.

И я ждала, как чуда, какого-то Божественного толчка! Пинка! Иначе мне с места не сдвинуться.

И лежать бы этому вороху моих записей в закромах ещё очень долго…

Но тут… Летом 2015 года в Олешно мне, как будто специально, попадает в поле зрения книга воспоминаний Л. Гурченко «Аплодисменты», и у меня, как-то интуитив-

но, тут же, мгновенно, просто как выстрел, срабатывает некий внутренний импульс – невероятное желание скорее её прочесть! Казалось, что какая-то сила толкнула меня к этой книге!

Я начала читать, и буквально с первых страниц у меня словно возникла некая астральная связь с Гурченко, будто я почувствовала родственную душу! Я сразу уловила, что она думала как я, реагировала как я, сентиментальничала как я. И я так её понимала, так ей сострадала, что хотелось плакать, переживать все её состояния, как свои личные.

Мне казалось, что она рассказывает обо мне. Её воспоминания о своём детстве, о родителях, особенно о папе, Марке Гавриловиче, написаны так трогательно и проникновенно, что всколыхнулось всё моё нутро. Я попалась, словно рыба на крючок!

Всё о чём она писала, так сильно зацепило и взбудоражило меня, так срезонировало с моими чувствами, переживаниями и моей памятью, вызвало такую лавину ассоциаций, что я, казалось, потеряла ощущение реальности. Всё «моё» переплелось с тем, что писала она. Я понимала её в каждой букве, в каждом всплеске эмоций, в каждом выкрутасе её мысли. Так, наверное, выглядит, родство душ! Это был человек, который был мне созвучен! Я понимала её целиком и полностью! Мы одинаково чувствовали! И это было так радостно осознавать! Я никогда не испытывала такого восторга!

Людмила Марковна, своей душевностью и открытостью, словно сорвала некую пелену с моей памяти и будто окропила её «живой» водой! И тут – внезапное озарение! Я вдруг поняла, что я тоже всё помню!!!

Передо мной, сами собой, распахнулись двери в моё прошлое! И оно, непостижимым образом, ожило, оно проявилось, как изображение на фотопленке. Господи! Ничего никуда не исчезло! Всё, что было когда-то со мной, мои радости и страхи, мои открытия и опасения, все мои чувства – они живы! И стоило мне их, не просто шевельнуть, а настоятельно востребовать, как они сразу заговорили наперебой, разными голосами, звуками, ощущениями и даже ароматами! И я, словно на экране, всё одновременно увидела, услышала и почувствовала!

Да, это Гурченко сдвинула меня с «мёртвой» точки. Она, словно, зажгла меня, подключила к своему искрометному полю, и я, как в омут, бросилась на амбразуру таящейся внутри меня энергии и, буквально, заболела своей идеей и уже не могла не думать об этом.

И дело пошло!

Это моё состояние трудно выразить обычными словами. Со мной никогда такого не было! Слёзы счастья застилали мои глаза! Это был настоящий катарсис! Мне казалось, что моё сердце само заговорило со мной! И оно не хотело отпускать меня из этого состояния, в котором весь мир преображался перед моим взором, куда-то исчезли боль и обиды, а внутри всё наполнилось ясностью, счастьем и светлой любовью, всё понимающей и всё прощающей!

Нет! Словами этого не выразить!

Слова искажают истинность переживаний! Но, поверьте, это – потрясающее состояние! Оно похоже на волшебный сон, где всё возможно, где всё прекрасно!

Всё то потаённое пространство, которое так долго не хотело откликаться на мои призывы, вдруг внезапно разверзлось передо мной и моё прошлое чудом возникло

из небытия. Я окунулась во всё это буйство с головой! Я едва успевала записывать те «драмы» и радости, что я переживала своим детским сердцем – таков был поток этих воспоминаний. Мой мозг работал круглосуточно – я даже по ночам вскакивала, чтобы записать очередной всплывший эпизод или очень важную мысль.

И это был удивительный очистительный процесс, когда, слой за слоем, срывались с моей души обиды, страдания, осуждения и всё внутри освобождалось и светлело! Я все события увидела совсем другими глазами. Все мои претензии к родителям ушли, исчезли, испарились! И сердце ожило, и мир засиял! И я воспринимала это, как знак того, что я, наконец-то, встретилась с тем, чего требовала моя душа, которая теперь рыдала вместе со мной от счастья, от такого прозрения! Это действительно настоящее освобождение! Трансформация сознания! Это надо самому прожить и прочувствовать! Это неописуемое переживание, после которого в душу приходит покой! И рождается совсем другое понимание жизни!

И даже всё вокруг преобразилось и стало идти мне навстречу, словно некий волшебник вершил свои дела, видя моё неистребимое желание проникнуть как можно глубже.

И чудеса продолжались!

Именно в это время, как по заказу, на мою голову свалилось ещё одно невероятное чудо: мне через Свету попадает в руки книга Людмилы Улицкой «Детство 45-53»!!! Ещё одна Людмила приходит мне на помощь!

Кто может понять мой восторг и великую удачу? Это как диковинное яичко в Христов день! Такая потрясающая информация, такие ошеломляющие факты! И именно про годы моего детства! Это просто непостижимо!

Мои впечатления от книги безумно болезненные! Невыносимые! Людская боль словно запеклась в этих строках, и всё приблизилось ко мне настолько, что, казалось, я снова дышу тем воздухом, живу тем временем, теми событиями и мне тоже больно и страшно. Моё сердце сжалось, съёжилось, нет сил вздохнуть.

Как много дала мне эта книга! Она ещё больше обострила мою чувственность. Сколько добавила в меня сил, эмоций и энтузиазма! Я теперь была уверена, что взялась за правильное и очень нужное дело!

Попутный ветер ещё сильнее подул в мои паруса!

Воспоминания, мысли, идеи, нужные люди, книги, интернет – вот в таком водовороте информации я оказалась! И это окрыляло и давало силы!

Я всё делала с огромной радостью! А моя голова непрестанно выдавала новые порции идей! Я боялась что-то забыть, не заметить или упустить и строчила все «пулемётными очередями». Огромный ворох разнокалиберных записей рос ежечасно. И это меня ещё больше вдохновляло. Я не знала, что за «шедевр» родится в итоге, но очень верила, что я вершу великое дело!

Благодаря тому, что я стала анализировать свою жизнь, отношения с родителями, разбираться в причинах – почему они были такими, почему такой была я, мне многое открылось с той позиции, с которой я никогда не пыталась на это смотреть. Вот это раскапывание и разбирательство того, что же было на самом деле, как раз раскрыло мне глаза, дало иное видение.

И мои родители из «плохих» стали не просто хорошими, а самыми лучшими!

Я даже предположить не могла, каким это окажется

наслаждением окунуться в столь давние воспоминания и… раствориться в них – пережить заново своё детство, увидеть своих родных живыми, молодыми и активными, подышать воздухом того времени, почувствовать все свои детские переживания, то юношеское состояние ожидания счастья, когда вся твоя жизнь была ещё впереди!

Я провалилась в такую бездну, из которой, казалось, я не выберусь никогда, так как здесь всё переживается очень остро, и даже болезненно, и, в то же время, это по-своему восхитительно! И, если бы не эти мемуары, я не узнала бы так глубоко своих родителей и даже саму себя, не осознала бы магию того времени, повлиявшей на меня так сильно и, вообще, не столкнулась бы со многими вещами.

Я поняла, что пока ты сам не пережил, не потерял, не прочувствовал тягот и радостей жизни – ты пуст и тебе нечем поделиться с другими.

Но если душа переполнена опытом, счастьем бытия и осознанием чего-то важного – тебе хочется эту радость разделить со всеми!

И это желание подхлестывало меня идти дальше.

Поток мыслей не ослабевал и количество исписанных листов быстро множилось. Но ничего из написанного я не могла выбросить: я же понимала, что на каждом из этих клочков бумаги запечатлен кусочек моей жизни, кусочек беды или радости, и мне казалось, что если я что-то выброшу – нарушится гармония, какого-то звука в моей мелодии не будет хватать.

И я снова ныряла в этот ворох и работа продолжалась.

… Но бывало, что я хваталась за голову, и мне казалось, что я ввязалась в безумную авантюру, из которой мне будет не выбраться. Ведь у меня нет ни писательских навыков,

ни нужных знаний и закалки, а есть лишь доморощенный дневниковый опыт и мой назойливый перфекционизм, вынуждающий меня страдать чуть ли не над каждой фразой.

И при всем этом, я рискнула замахнуться на мемуары!

Боже мой, сколько на этом пути оказалось трудностей, опасений, метаний, душевных терзаний, а порой даже отвращения и бессилия, когда жутко устаёшь от этой писанины, когда становится страшно видеть эти кучи бумаг, которые ты пытаешься связать во что-то разумное и цельное, а оно никак не срастается! И тогда идут простои, и ты теряешь уверенность…

Но вдруг какая-то сила выдёргивает тебя из этого оцепенения и возвращает на место.

И вот тут-то ты начинаешь понимать, насколько тяжёл писательский труд! А мемуары – это вообще особый вид творчества. Не зря его называют *исповедальной прозой.* Здесь ты «один на один» со своей душой и тут нельзя слукавить. Ты заглядываешь в такие сферы внутри себя, где допустима только чистая правда!

А наша память – настоящая бездонная пропасть, куда не каждый дерзнет шагнуть – ведь там запрятано так много нелицеприятных вещей, о которых хочется забыть навсегда! Потому мы не очень-то любопытствуем: бережём своё спокойствие и храним, как цепные псы, свой «идеальный образ», разрушение которого равносильно смерти.

Но если ты решился, шагнул, то сразу поймешь, что обратной дороги не будет, ибо это – *единственно верный путь к самому себе*. Тебя затянет туда, как в воронку, ты будешь оглушён той горькой и болезненной правдой, которую ты не хотел видеть, и это породит в тебе неприятие и бурю эмоций. Тут, главное, не испугаться и не сбежать,

а открыто встретить эти события, осмыслить их и *пережить по-новому, позитивно!*

И только тогда у тебя появится совсем другое понимание: не будет стыда или боли от содеянного. Ты перестанешь считать себя плохим, обиженным или недостойным человеком, а просто к тебе придет спокойствие и счастливое осознание, что в твоей жизни *никогда не было ничего плохого* – это были всего лишь твои уроки, где сама жизнь учила тебя мудрости! Да, часто через боль и страдание, но… иначе нас не научить.

И вот теперь… ушли обиды – осталось самое важное! Осталась любовь!

И это – счастье! А счастливый человек видит мир совсем другим – гармоничным и волшебным, способным меняться по нашему повелению! Твоё внутреннее счастье обязательно отразится в окружающем мире!

Разве это не чудо?

И я счастлива, что жизнь дала мне этот шанс вернуться в далёкое прошлое, чистосердечно высказаться, освободиться от ложных убеждений, от бессмысленных обид, всколыхнуть свою юность до самых истоков, изменить всё, что меня огорчало и рассказать об этом с огромной любовью и благодарностью!

Да, изложить свою историю оказалось очень не простым делом, поскольку труд «летописцев-энтузиастов» довольно тернист и требует от человека много особых качеств: честности, смелости, настойчивости, неимоверного терпения и особого чутья, и, главное, готовности к каторжному труду, где нельзя ни схалтурить, ни солгать.

Всё это я испытала на собственной шкуре! Честно скажу, это очень не просто!

Но я знаю, ради чего я это делаю!

Сколько всего, оказывается, было у меня внутри. Причем, как искусно было всё спрятано!

Не начни я настырно всё это расковыривать, распечатывать, так бы всё и ушло со мной навсегда. И никто бы не знал, какой я была, чего хотела, каким видела мир, кого любила или ненавидела, и много других «зачем» и «почему».

Так что прошлое никуда не исчезает и, каким бы давним оно ни было, оно живёт внутри нас! Мы не всегда хотим с ним встречаться, но *именно там – все причины наших проблем и несовершенств!*

И сейчас мне безумно жаль, что это понимание пришло ко мне слишком поздно – нет моих родителей и мне некого обнять, некому посмотреть в глаза и сказать о том, как я им за всё благодарна, как они мне дороги, как я их ценю и понимаю, и, главное, *как я их люблю!*

Глава 2.
Дом, в котором я жила

«Оживляя прошлое, я сам
порою с трудом верю,
что всё было именно так»

Максим Горький

«РЫБКА В АКВАРИУМЕ»

С какого возраста я себя помню?

Одно из самых ранних моих воспоминаний относится к 1946 году, когда мне не было ещё и года.

Было это на Лиговке, в доме №56, в квартире №37, на третьем этаже.

Я очень хорошо помню себя маленькую, сидящую на окне, зажатую между рамами! Видимо, было лето, значит, мне где-то полгода. Мама пристраивала меня туда, пока готовила обед на кухне.

И я там, как рыбка в аквариуме, сидела и смотрела через стёкла то в комнату, следя за бегающей мамой, то во двор, где тоже что-то двигалось, бибикало и шумело.

Вот пишу об этом, а внутри всё холодеет, когда вспоминаю это. Какой невероятный риск! Ведь что угодно могло произойти! Я же могла выпасть из окна – 3-й этаж! Правда, в руках у меня не было никаких игрушек и, к тому же, я была слишком мала и слаба, но…все равно страшно! Но у мамы, видимо, не было другого выхода.

Мне, кстати, недавно, племянница Ира, с которой потом жила моя мама, рассказывала, что бабушка Маша не раз вспоминала этот эпизод и очень страдала по этому поводу, понимая, как она рисковала. Но она была вынуждена так поступить. Ведь тогда никаких кроваток с решетками или манежей для детей не было, а оставить в комнате без при-

смотра ползающего ребёнка тоже нельзя. Вот и приходилось, с болью в сердце, таким образом выходить из положения.

Я БОЛЕЮ

А потом наступили голодные 1946-1947 годы. Это было самое тяжёлое послевоенное время. И так-то кругом разруха, горе, нищета, а тут ещё этот страшный голод! Как выживали люди?

Статистика тех лет слишком ужасна: в 1947 году в СССР умерло 508000 детей возрастом до года!

Мое хилое здоровье в детстве, сильная истощённость, конечно, были следствием недоедания. И чтобы меня не потерять, чтобы я могла хоть как-то выжить, родители вынуждены были на какое-то время, вроде, на полгода, отвезти меня в деревню Ковшово, в Калининскую область, к бабушке Фене.

Мама не хотела со мной расставаться, плакала, не знала, как перенесёт эту разлуку. Но обстоятельства были неумолимы. Меня отвезли, а мама без меня лила горькие слёзы.

В Ковшове, по рассказам мамы, были у бабушки в доме на постое какие-то солдаты. Они, то ли восстанавливали что-то после войны, то ли ехать им было некуда, вот и остались в деревне. Так вот, эти солдаты играли со мной, брали на руки, просили «станцевать», и я поднимала ручки вверх и крутила ладошками, будто танцую.

Ещё одна подробность: мне, чтобы не чувствовала голод, давали жёваный хлеб, завёрнутый в тряпочку, смоченную водой. Похоже, там с едой тоже было плохо.

А мама за короткое время уже вся извелась от тоски,

Меня, такую маленькую, отвезли в деревню к бабушке,
чтобы спасти от голода

не выдержала и, не смотря на голод, поехала в деревню и привезла меня обратно. Она, конечно же, знала, что, как бы ни было тяжело, никто лучше родной матери не сможет ухаживать за ребёнком. И она оказалась права.

ЧУДЕСНАЯ ПЕЧКА

И этот рассказ о маме я хочу начать, как говорится, «от печки», в самом прямом смысле, потому, что именно печку я помню очень хорошо.

Будучи хилым ребёнком, я часто болела и много времени проводила в постели. А хворала не только часто, но и довольно серьёзно. Я переболела всеми детским бо-

лезнями: и корью, и скарлатиной, и «свинкой», и даже гепатитом.

К счастью, у нас была очень хороший участковый детский врач. Я до сих пор помню её фамилию – Русакова. Когда я болела, она приходила к нам почти ежедневно.

Видя моё состояние, она стала уговаривать маму положить меня в больницу. Мама, зная, что не выдержит разлуки со мной, категорически отказывалась и пыталась доказать врачу, что она лучше будет ухаживать за ребёнком, чем в больнице.

И врач, видя мамин настрой, шла ей на встречу, выписывала лекарства, давала советы и сама ежедневно приходила и контролировала моё состояние.

Надо было видеть старания моей мамочки. Она готова было из кожи вон вылезти, но доказать врачу, что она действительно заботливая мать, которая сделает всё ради ребёнка.

Мама утром вставала «ни свет, ни заря», сразу растапливала печку, снимала домотканые половики, вытрясала их на лестнице, намывала в комнате пол и прямо на непросохшие, крашеные доски, расстилала чистые половики, чтобы они ровнее лежали на полу. Потом переодевала меня во всё чистое, проветривала комнату, делала мне все нужные процедуры, кормила, потом сама переодевалась и, когда утром к нам приходила врач, она всегда просто изумлялась маминой заботой, расторопностью и настоящей самоотверженностью.

Она видела эту сияющую чистоту в доме, спрашивала: «Мамочка, а вы ложились спать? Когда и как вы всё это успеваете?» И потом, покачав головой, заключала: «Да, у такой мамочки грех забирать ребёнка в больницу! Я на

своём участке ещё не встречала такой любящей матери!»

И мама вот такой ценой ставила меня на ноги.

А я до сих пор помню эту пахнущую чистотой комнату, этот мокрый пол, свежие половики и эту замечательную печку! В памяти словно врезались эти ощущения блаженства, когда я, едва открыв утром глаза, видела открытую дверцу печки, где мягкие рыжие языки пламени трепетали над раскалёнными поленьями, словно облизывали их, душевно так потрескивали и попыхивали, будто что-то шептали мне, успокаивали и согревали. Я лежала, вдыхая в себя все это блаженство и боясь пошевелиться, чтобы это счастье никуда не исчезло.

И вот, прошло уже почти 70 лет с тех пор, а я помню всё так ясно, будто это было вчера. Вот как сильны детские впечатления!

«ДУРАЦКИЙ» САНАТОРИЙ

Чем бы я ни болела, но я всегда поправлялась. Тем не менее, я была так худа и слаба, что врач убедила маму отправить меня в санаторий для полного восстановления здоровья. И мама сдалась. Мне было тогда года четыре.

В санаторий меня отправили, но я очень смутно помню своё пребывание там. Осталось впечатление какой-то серости и уныния. Видимо, была осень, т.к. всё было мрачно, и часто шли дожди.

Там я ни с кем не подружилась, всех сторонилась и плохо себя чувствовала, была очень слабой и часто простужалась. А потому, меня не брали гулять вместе со всеми, и я просиживала в это время где-то в укромном уголке мрачной веранды, грустная, молчаливая и ничего не же-

лающая. Часто плакала.

За столом у меня не было аппетита, мне ничего не нравилось и ничего не хотелось. Видимо, мне было очень плохо без мамы, без её заботы и нежности.

Помню, когда меня привезли на поезде обратно в Ленинград, мама меня не узнала. Я первая увидела из окна вагона маму на перроне и стала ей радостно махать руками, ведь я по ней соскучилась и очень хотела домой, но она, бегая глазами по окнам, прошла мимо меня, не узнав!!

Вот до какой степени я там исхудала, хотя, худеть было уже некуда. Я была вся зелёная с синими кругами под глазами.

Как мама потом плакала, глядя на меня, ругая себя за то, что отправила меня в этот «дурацкий» санаторий. А я думаю, что меня там, скорее всего, извела тоска по дому, по маме, без которой я стала чахнуть.

А дома я очень скоро пошла на поправку. Какое счастье, когда мама рядом.

ИНФЕКЦИОННЫЙ ГЕПАТИТ

Надо сказать, что мама всегда стеной вставала на защиту как своего ребёнка, так и своего дома.

Тут к месту будет вспомнить ещё один эпизод, тоже связанный с моей болезнью.

Мне было уже лет 8-9, и я заболела гепатитом в довольно острой форме, со всем яркими проявлениями характерных симптомов: лицо совершенно жёлтое, белки глаз как лимончики, сильная тошнота, ну и так далее по списку.

Рекомендация вызванного на дом врача однозначная: срочно в больницу! Болезнь заразная, инфекционная!

И тут уже не помогли никакие мамины уговоры и мольбы. Врач была строга и неумолима!

И тут что интересно: меня ещё не успели увезти в больницу, а к нам домой уже была вызвана спецмашина, которая делает дома дезинфекцию, чтобы зараза не распространялась дальше.

И вот, заходят к нам в комнату люди с какими-то бутылями с раствором и огромным насосом, у которого длинный шланг и трубка с распылителем. По комнате сразу разошелся жуткий запах хлорки. Эти люди сказали, что они обязаны облить этой хлоркой буквально всё: пол, стены, мебель, бельё на кровати, т.е. всё то, с чем я могла контактировать, причём, не только у нас в комнате, но и в местах общего пользования.

Мама, видимо, знала, что такое хлорка и как они этой дезинфекцией все кругом попортят и она взмолилась не делать этого, но они упорно настаивали на своем, доказывая, что это делается для безопасности остальных членов семьи и наших соседей.

Но мама была непреклонна, она была готова на колени перед ними встать, обещала, что она сама всё кругом перемоет, перестирает и прокипятит вплоть до половиков.

Дело даже дошло до слёз!

Не знаю почему, но они сжалились над ней и сказали, что в комнате они польют только пол и кое-где совсем чуть-чуть. Но мама уже и за это была им безмерно благодарна. Они действительно облили только пол с половиками и чуть брызнули на кровать – на покрывало.

Вот так она опять сумела отстоять свои позиции и у нас в семье, к счастью, кроме меня никто не заболел.

А я пролежала в больнице им. Крупской целый месяц!

Родители меня навещали, передавали передачи, но я могла их видеть только в окно!

Эта история ещё раз показывает, как для мамы важен был тот уют и порядок, на который уходило, практически, всё её время.

У нас в доме постоянно всё мылось, тёрлось, стиралось, драилось, протиралось, скоблилось… Зато на кухне просто сверкали начищенные до зеркального блеска алюминиевые кастрюли, бидоны, чайники, миски. Чистила их мама очень мелким песком, который для неё где-то добывал папа.

Всё бельё всегда было выстирано, выкипячено, накрахмалено, подсинено и отглажено! Носильные вещи также регулярно стирались, чинились и штопались, гладились или отпаривались. Так что в этом плане всегда был идеальнейший порядок.

А за обувью следил папа: он её сам чинил, сам чистил и аккуратно расставлял в обувной полке.

И мама, и папа дома никогда не выглядели «распустёхами», как это позволяли себе некоторые наши соседи, бродя по кухне в засаленных, бесформенных домашних халатах или растянутых «трениках». Мои родители, благодаря своим же стараниям, всегда выглядели аккуратными и были, я бы сказала, образцовыми жильцами во всех отношениях.

«ГАДКИЙ УТЁНОК»

Я, насколько себя помню, всегда была очень худой, в отличие от моей сестры Аллы, родившейся тремя годами позже, которая всегда была плотная или «упитанная», как тогда говорили.

Пока я была маленькая, моя худоба меня как-то не бес-

покоила: тогда все дети были такие, да и родители тоже.

А вот в юности этот вопрос очень сильно меня тревожил. Я страшно переживала за свои впалые щеки, за худые, как палки, руки и ноги. Старалась все это как-то скрыть: делая улыбку на лице, я, вроде бы, увеличивала щёки; надевая одежду с длинным рукавами, я прятала под ними тощие руки. Вот только ноги тогда было никак не спрятать – тогда женщины брюки не носили.

А куда всё это спрячешь на пляже? Но и там я находила более удачные позы, когда не торчали наружу мои кости. Короче говоря, я очень страдала и выкручивалась, как могла.

И как тут не вспомнить сказку о «Гадком утёнке»! Именно таким утёнком я себя ощущала и очень стеснялась своей худобы.

Но все эти годы «великих страданий», мою душу согревала одна фраза, нечаянно сказанная нашим соседом дядей Васей Кудрявцевым, жившим с женой и двумя дочками ниже этажом.

Мы с Аллой в детстве часто приходили к ним поиграть с Риммой и Таней, нашими подружками – ровесницами. И вот как-то мы с ними играем, а мама прислала папу за нами позвать к обеду. Папа пришёл и зацепился разговором с дядей Васей, а мы вчетвером сидели на полу рядом, увлечённые игрой.

Не помню, о чём говорили наши папы – нам было не до их разговоров – но вдруг до моих ушей долетает фраза, сказанная папе дядей Васей, наблюдающем за нами: «А Люська у тебя будет красивая!»

И я как-то мгновенно словила это! Словила и поняла, как что-то очень важное для себя! Я продолжила играть,